

The illustration depicts a young man with light brown, slightly messy hair and a serious expression. He is wearing a dark blue jacket with a brown leather satchel slung over his shoulder. A sword hilt is visible at the bottom center. In the background, a large, dark grey dragon with red accents on its head and neck looms over him. The scene is set in a rocky, autumnal landscape with falling orange leaves under a cloudy sky.

Сергей Борисов

Обычный человек в магическом мире. Том 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Борисов

**Обычный человек в
магическом мире. Том 1**

«Автор»

2026

Борисов С.

Обычный человек в магическом мире. Том 1 / С. Борисов —
«Автор», 2026

Слесарь Александр Романов умирает от инсульта и перерождается в теле подростка Сергея Богатырёва — сироты из детдома в мире, где кишат магические чудовища. Сергей — «пустышка» без дара, но в его груди бьются две магических искры, а разум озаряет странный интерфейс. Чтобы выжить и погасить долг перед аристократическим родом, он отправляется служить на границу Аномалии, в забытую деревню. Смертельная охота, бои с железными быками и схватка с драконом — лишь начало пути. Сергей осваивает магию рун, находит верных друзей и учится быть не просто солдатом, а охотником, способным изменить свою судьбу. Но этот мир жесток: магия — редкий дар, а жизнь простолюдина ничего не стоит. Сможет ли бывший слесарь превратиться из изгоя в сильного мага и доказать, что его вторая жизнь — не ошибка, а шанс всё исправить? Первая книга цикла о становлении охотника на чудовищ.

© Борисов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Отступление	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Борисов

Обычный человек в магическом мире. Том 1

Глава 1

Все персонажи книги выдуманы и к реальным людям никакого отношения не имеют.

Меня звали Александр Сергеевич Романов. Мне было сорок два года, и я жил в Семилуках — тихом городке под Воронежем, где время текло медленно, а воздух пропах пылью огнеупорного завода. На этом заводе я провел большую часть жизни, как и большинство мужчин в нашем городке. Моя должность значилась скромно — сменный слесарь, а график выматывал: сутки через двое, когда ночи сливаются с днями, а тело привыкает не замечать усталости.

В отличие от моих товарищей, менявших жен как перчатки, я женился единожды. У нас рос сын Дмитрий — ему уже стукнуло двадцать два. Наше благосостояние трудно было назвать завидным, но и нищими нас никто бы не посмел назвать. Мы имели собственную квартиру, старенький, но верный легковой автомобиль и кое-какую заначку, что бережно откладывалась на черный день. Словом, обычная среднестатистическая ячейка общества, каких тысячи по всей стране.

Однажды, вернувшись после очередной изнурительной смены, я почувствовал странную тяжесть во всем теле. Голова раскалывалась, а в висках стучало так неистово, будто там били кузнечные молоты. Я списал это на переутомление — что еще могло быть? — и решил: просто посплю, и к утру отпустит. Главное — переждать.

Но утро не принесло облегчения. Когда жена вошла в спальню, чтобы разбудить меня, я уже не мог пошевелиться. Левая половина тела онемела и отказывалась подчиняться, будто ее и вовсе не существовало. Врач из скорой, бегло осмотрев меня, вынес суровый вердикт — инсульт. Или, говоря языком простым и грубым, кровоизлияние в мозг. Покачав головой, он мрачно бросил, что до больницы меня вряд ли довезут живым.

Однако он ошибся. Меня довезли. Правда, я уже ничего не соображал и провалился в черноту. В реанимации, среди писка приборов и запаха антисептиков, мое тело продержалось еще пару часов. А потом я умер. Так и не открыв глаз.

А дальше началось то, о чем шепотом говорят бывалые люди: выход из физической оболочки, а затем — длинный туннель с сиянием в конце. Но, то ли я свернул куда-то не туда, то ли со мной произошла какая-то аномалия, — когда сознание вновь коснулось меня, я захлебнулся собственными воспоминаниями.

Они пронеслись с пугающей быстротой: детский сад с кашей без комочков, школа, ПТУ, армия, свадьба, рождение Димки... А дальше — серая вереница одинаковых дней: работа, дом, снова работа, снова дом. Колесо, на котором я крутился без остановки. И финальный кадр перед самым провалом в небытие — палата, я сам, опутанный проводами медицинских датчиков, и тусклый свет лампы под потолком.

«Все кончено», — подумал я тогда.

Но нет. Тот самый свет в конце туннеля сменился новой картинкой. Это были чужие воспоминания — парнишки по имени Сергей. И, в отличие от моего сносного советского детства, его жизнь с самого начала оказалась пропитана болью.

Родители, которых Сергей называл мамой и папой, за малейшую провинность вздували его с такой жестокостью, будто он был не сыном, а бездушным чучелом. Ремень, угол, крики

— это было его привычной нормой. Когда мальчику исполнилось семь, государство наконец вмешалось: горе-родителей лишили прав, и ребенка отправили в детский дом.

Тогда, казалось, все выдохнули с облегчением. Отец с матерью — потому что избавились от лишнего рта. А сам Сережа — потому что наивно верил, что в новом месте его перестанут бить. Как же он ошибался. Детдом встретил его не материнской лаской, а еще более жестокими порядками. Маленькие воспитанники интерната оказались страшнее взрослых. Они быстро объяснили новичку, что здесь слабых не жалеют, и Сереже снова стало доставаться — теперь уже не от отца, а от своих же сверстников.

Глава 2

Пять лет — достаточный срок, чтобы привыкнуть к запаху казённых стен и звону общей посуды. Пять лет, проведённых в детском доме, превратили Сергея из тощего мальчишки в высокого, жилистого парня, которого уже никто не решался задирать просто так. К тридцатому году жизни он вымахал под метр семьдесят — среди сверстников в приюте он был настоящим великаном, и это физическое превосходство вкупе с нелюдимым взглядом служило лучшей охраной от местных забияк.

Свободного времени у него было хоть отбавляй, и Сергей утопил его в учёбе. Он грыз науки с остервенением, словно пытался прогрызть стену, отделяющую его от внешнего мира. Упорство принесло плоды: он стал лучшим в классе, но, что важнее, именно в этих сухих учебниках и чертежах он нашёл первую зацепку, объясняющую ту глухую неприязнь, которой его встречали всю жизнь.

Мир, в котором он жил, был до жути похож на мой прежний, родной. Здесь тоже люди толкались в утренних пробках, разговаривали по мобильным телефонам и по вечерам тупо тарасились в голубые экраны телевизоров. Всё было знакомо до зубной боли. Всё, кроме одной, ошеломляющей детали: здесь существовала магия. И существовали магические звери — древняя угроза, висевшая над человечеством дамокловым мечом.

Эти твари стали для этого мира и проклятием, и благословением одновременно. Из их внутренностей варили зелья, способные исцелить почти любую хворь, из костей ковали артефакты невероятной силы, а мясо считалось изысканнейшим деликатесом. Но главным сокровищем в теле зверя были кристаллы — сгустки чистой магии. Они позволяли одарённым магам множить свои силы, а простым людям — пробудить дар, если искра в душе ещё теплилась.

И Сергей быстро понял главную жестокую аксиому этого мира: дети, в которых с пелёнок просыпалась магия, ценились на вес золота. Ещё в родильных палатах врачи выявляли ту самую «искру», и тем, у кого она горела, несказанно везло. Аристократические кланы выстраивались в очередь, чтобы заполучить такого ребёнка, а само государство осыпало их льготами и благами. Их будущее было предопределено: они становились боевыми магами, защитниками рубежей, удерживающими натиск чудищ из аномальных зон.

Зоны эти были чёрными пятнами на карте, прорехами в мире, откуда постоянно лезла смерть. Целые страны уже исчезли, стёртые с лица земли вместе с городами и народами, и выжившим приходилось каждый день сражаться за каждый клочок территории.

Именно здесь, перед лицом этой всеобщей борьбы, до Сергея дошла горькая истина. В нём с самого начала не нашли ни грамма магии. Он оказался пустышкой, бракованным товаром. Вот почему родители с такой лёгкостью избавились от него, сдав в приют, будто ненужную вещь. Боль от этого открытия была острее ножа, но вместо отчаяния она родила в груди Сергея холодную, стальную мечту.

Он докажет им всем. Он убьёт магического зверя, достанет кристалл, станет магом и заставит весь мир увидеть, кто он на самом деле. Он не отброс. Его родители ошиблись, и ошибка эта станет для них самой дорогой ценой.

Где-то в ста километрах от города, где прозябал Сергей, карту пересекала одна из таких аномалий. Весть о ней стала его наваждением. Однажды, когда банда Лёхи-Рыбы, выпускников постарше, в очередной раз жестоко избивала его до полусмерти, он принял решение. Собрав остатки сил и горстку скудных пожитков, Сергей сбежал из приюта навстречу своей судьбе.

Дорога была долгой и утомительной. Он пробрался на состав с провизией, который следовал до самой границы аномалии. Поезд оставил его в крошечном, обнесённом стеной селе, которое было последним пристанищем людей перед гибельными землями.

Сергей не был безумцем. Он понимал, что соваться в пекло одному — это верная гибель, поэтому первым делом принялся искать отряд. Но над его просьбами о найме лишь смеялись. Зелёный, тощий и без магии — кто возьмёт такого в опасный рейд? Отказы следовали один за другим, пока, наконец, он не нашёл компанию, согласившуюся взять его с собой... носильщиком. Ему вручили неподъёмный рюкзак, набитый припасами, и широко ухмыльнулись.

Группа, с которой он выступила, состояла из мужиков с тяжёлыми, недобрыми взглядами. Они были противны Сергею с первого взгляда, но выбора у него не оставалось. Он шёл молча, низко опустив голову, стараясь не задавать лишних вопросов и держаться позади.

Село заканчивалось массивным забором, а единственный выход лежал через КПП, где у ворот дежурили четверо боевых магов в сверкающих доспехах. Они мельком, с почти сочувственной жалостью, посмотрели на тощего парня с огромным мешком, но ничего не сказали. Ворота с лязгом открылись, и отряд шагнул в аномалию.

Сначала они пересекли чахлое поле, а затем скрылись в лесном массиве. Густая, почти чёрная чаща сомкнулась над ними, глуша звуки. Через час пути Сергея приказали остановиться на поляне у огромного замшелого валуна.

— Сиди здесь, ставь лагерь, — бросил старший, даже не обернувшись. — Мы скоро вернёмся.

Они исчезли между стволами, оставив Сергея наедине с рюкзаком и тишиной. Он стоял, тяжело дыша, чувствуя неладное, но ещё не успев осознать предательство. А затем из чащи прямо на поляну, бесшумный как призрак, выскользнул огромный седой волчара.

Сергей не видел таких зверей даже в кошмарах. Оскаленная пасть, красные глаза, шерсть, стоящая дыбом. Оцепенение длилось лишь миг. Не снимая с плеч тяжёлого мешка, парень рванул в противоположную сторону, в самую гущу леса. Волк ринулся следом.

В голове, заглушая хриплое дыхание, билась одна отчаянная мысль: «Приманка. Я был приманкой. Они оставили меня, чтобы зверь захватил лёгкую добычу, пока они будут охотиться в стороне».

Он бежал, спотыкаясь о корни, разрывая лёгкие, но для волка скорость парня была жалким потугам. Седой монстр настиг его мгновенно. Мощный удар в спину — Сергей почувствовал, как трещат ляжки рюкзака — и он полетел кубарем вниз. Под ногами обрушился край глубокого оврага.

Падение длилось вечность. Они катились вниз, переплетаясь в смертельном танце, ломая ветки и разбивая камни. Сергей слышал треск собственных костей, чувствовал невыносимую боль, но где-то на краю сознания отметил, что волку, кажется, досталось сильнее. Удар о дно был страшным.

Сергей открыл глаза. Он лежал на мокрой холодной земле. Дышал через раз, каждое ребро саднило огнём, ногу он не чувствовал вовсе. Рядом, закатив глаза, лежал седой волк. Мертвый. Туша была ещё тёплой, а из груди торчал острый сук, пробивший его насквозь.

Понимание того, что он умирает, пришло ясно и отчётливо. С такими ранами в глубине аномалии не выживают. Волчара утащил его в ловушку, из которой нет выхода. Но перед тем, как тьма окончательно поглотила его сознание, Сергей вспомнил о своей мечте.

Стиснув зубы, преодолевая вой собственного тела, он скинул разорванный рюкзак, нашарил дрожащей рукой нож. Каждый сантиметр пути к тушке зверя давался с дьявольским трудом. Он резал грудину, пачкая руки в чёрной крови, шарил внутри, пока его пальцы не сомкнулись на горячем, пульсирующем кристалле. Магия билась в нём, живая и дикая.

Не думая больше ни о чём, теряя последние крохи сил, Сергей засунул кристалл в рот и проглотил его. Мир взорвался фейерверком из ослепительного света и чудовищной боли, которая затмила даже его сломанное тело. А следом пришла непроглядная, ватная пустота.

Отступление

Геннадий Петрович Косых, которого за кривой, недобрый прищур все звали попросту Косым, в тот день поймал настоящую удачу за хвост. Прямо посреди улицы, ещё до того, как их отряд пересёк последнюю черту перед входом а аномалию, ему в руки сам собой подвернулся неприкаянный мальчишка, бредивший аномалией. Про таких говорят — «зелёный» и «без царя в голове». Парень умолял взять его с собой, и Косой, усмехнувшись в рыжую бороду, мгновенно смекнул, какую выгоду можно извлечь из этой наивности.

Заказ у них был серьёзный: крупный зверь, обитающий в самой чаще, а значит, требовалась либо хорошая засада, либо хорошая наживка. Лишний грузчик тоже не помешал бы. План сложился сам собой, гладкий и простой, как хорошо смазанный клинок. Пацану вручили рюкзак — не просто тяжёлый, а набитый под завязку старыми консервами и металлическим хламом, чтобы спина гнулась, — и бодро двинулись в путь.

Ту часть дороги, что пролегала по полю, где было относительно чисто и безопасно, они одолели без приключений. Но как только чаща сомкнулась над головами, Косой сделал стойку у знакомого приметного валуна на поляне. Место тут было выбрано не случайно: отличный обзор, и склоны рядом подходящие. Парню велели остаться, разбить лагерь и ждать возвращения. Мол, если будешь хорошо сидеть, получишь долю

Сами же охотники, не сбавляя шагу, углубились в заросли метров на пятьдесят, чтобы занять удобные позиции для засады. Но едва они начали рассредоточиваться, как с поляны раздался глухой, утробный рык, от которого земля, казалось, пошла рябью. Серый волчара, старый и огромный как гора, выскочил на открытое место мгновенно. Он окинул поляну хозяйским взглядом, заметил фигурку человека с горой за спиной и, не раздумывая, рванул в погоню. Пацанёнок, будто заяц, пулей сорвался с места, даже не попытавшись сбросить проклятый мешок.

Косой, выругавшись сквозь зубы, махнул своим: «За мной!» Они ломались сквозь кустарник, хрипели и спотыкались, но только когда шум стих, поняли — опоздали. Гонка была проиграна. Пришлось заново искать следы, и на это ушла уйма драгоценного времени.

Нашли их в овраге. Внизу, среди сломанных веток и свежей, ещё не успевшей впитаться в землю крови, лежали двое: мёртвый зверь и почти мёртвый парень. Косой сразу раскусил, что произошло. Зверю просто не повезло. Он догнал добычу на самом краю обрыва, бросился — и вместе с ней покатился вниз по крутому склону, увлекая за собой визжащего человека. Падение вышло жестоким: они смяли молодые деревца, росшие на склоне, а для волка всё кончилось особенно плохо — острый, как копьё, сук насквозь пробил ему грудь на самом дне.

Члены банды спустились вниз, тяжело ступая по осыпающейся глине. Парень был при смерти — это видели все. Сломанные рёбра, неестественно вывернутая нога, лицо в синяках и ссадинах. С таким грузом обратно не идти, не тащить же его на себе через всю аномалию. Да и жилец из него был никудышный. Никто даже не склонился над ним проверить, дышит ли.

Интересовала шайку только туша. Косой жадно ощупал волка, пощупал пах, заглянул в грудную клетку — и разочарованно сплюнул. Кристалла не было. Сорвался джекпот. Но шкура, клыки, кровь и мясо всё равно стоили приличных денег, заказчик обещал хорошо заплатить за крупную особь. Потратив полчаса на то, чтобы разделать тушу и обмотать верёвками, банда выволокла добычу наверх, бросив тело мальчишки в овраге, словно мешок с мусором.

Рюкзак Косой даже снимать не стал. Подумаешь, старая палатка да банка тушёнки. С какой стати ему лезть в эту грязь и пачкать руки, если пацан всё равно уже не жилец? Их ждал тёплый ужин и звонкая монета. Они ушли, оставив Сергея одного на дне, окружённого запахом смерти и прелой листвы, даже не обернувшись.

А зря.

Глава 3

Сознание возвращалось не сразу, а рывками, словно старая лампочка, которая никак не могла разгореться в полную силу. Последний силуэт — один из тех, кто бросил его здесь умирать, — растаял за кромкой оврага, и только тогда внутри разлилась странная, пугающая тишина.

Я открыл глаза. Но это были уже не глаза Серёжи. Теперь я точно знал, кто я. Романов Александр Сергеевич. Сорок два года, слесарь-ремонтное шестого разряда, человек, который привык оперировать цифрами и логикой, а не чужими жизнями. Память о прошлом билась в висках яркими, болезненными вспышками, переплетаясь с обрывками детских воспоминаний маленького Сергея. Его больше не было. Только я. И это тело, изломанное, умирающее, теперь было моим единственным убежищем.

Но самое невероятное открытие ждало меня внутри. Сначала я списал это на агонию, на бред умирающего мозга. Но нет — в груди, там, где должна биться простая человеческая искра жизни, я чувствовал нечто иное. Магию. Она пульсировала, горячая и живая, словно второй сердечный ритм. Искра Сергея, та самая, которую не нашли при рождении, тлела до последнего, а с появлением моей души в этом теле зажглась вторая.

Две искры. Две жизни в одном сосуде.

Я долго лежал на холодной земле, глядя в серое, равнодушное небо, и пытался осмыслить происходящее. Как слесарь, привыкший раскладывать сложные системы на простые составляющие, я остро ощущал дискомфорт от этой непостижимой, тёплой энергии внутри. Она не подчинялась законам физики, которые я знал. Она была хаосом, и этот хаос требовал порядка.

И тогда я сделал то, что сделал бы любой человек моего мира, воспитанный на пикселях и интерфейсах. Я закрыл глаза и мысленно приказал этому чувству стать понятным. Привычным. Я представил себе прозрачную панель, которая могла бы визуализировать всё, что происходит внутри этого странного нового тела.

И произошло чудо. Или магия. Или просто невероятное совпадение, случившееся по воле случая.

Перед моим мысленным взором действительно вспыхнула голографическая таблица. Я сглотнул, чувствуя, как пересохшее горло сводит судорогой, и начал читать.

```
> **Имя:** Сергей  
> **Фамилия:** Богатырёв  
> **Отчество:** Дмитриевич
```

Интерфейс — а это без сомнения был он — подстроился под тело, а не под мою память. Я усмехнулся, и эта усмешка отозвалась болью в треснувших рёбрах. Богатырёв. Звучало почти иронично, учитывая, что я сейчас представлял из себя грудку сломанных костей. Впрочем, это даже к лучшему. С Романовым Александром Сергеевичем мне придётся попрощаться. Я начал новую жизнь. Если, конечно, выживу.

Я пролистал меню дальше, и мир вокруг меня на мгновение померк, сменившись сухими, безжалостными цифрами.

```
> **Здоровье:** 10 из 100  
> *Внимание! Требуется срочное медицинское вмешательство!*
```

«Ну надо же, — горько подумал я, чувствуя, как холод пробирает до костей. — Сам бы не догадался».

Рядом бесстрастно горели другие показатели:

```
> **Сила:** 19 из 100  
> **Ловкость:** 5 из 100
```

> ****Выносливость:**** 24 из 100

> ****Интеллект:**** 50 из 100

Всё на грани. Показатели мёртвого человека, который чудом ещё дышит. Один интеллект был на относительно приличном уровне, но что толку от ума, когда руки не слушаются, а ноги сломаны?

Я уже почти отчаялся, но интерфейс всё ещё мерцал перед глазами, предлагая новые опции. В самом низу, под общими характеристиками, загорелась дополнительная строка:

> ****Обнаружено магических искр:**** 2

> ****Доступные направления для развития:****

- Поиск добычи

- Звериная регенерация

- Устрашающий вой

Список был коротким, как приговор. Три пути, и каждый мог стать последним.

Разум кричал: «Бери регенерацию, идиот! Это единственный способ заживить раны!». Но холодный рассудок, цепляющийся за жизнь, возражал. Сколько времени займёт восстановление? Час? День? Неделя? Вокруг была чаща, кишачая тварями, которые только и ждут запаха свежей крови. Я могу отрастить себе кости, но пока я буду лежать беспомощным овощем, кто-нибудь с преогромным удовольствием меня сожрёт.

Третий навык, «Устрашающий вой», звучал соблазнительно. Громкий рёв мог бы отпугнуть мелких хищников. Но он тоже не гарантировал спасения. Я мог напугать одного зверя, но привлечь двух других. И что потом?

Оставался только один вариант. Самый неочевидный, самый странный. Поиск добычи.

«И как это мне поможет? — мысленно спросил я самого себя, но внутренний голос уже молчал. — Я не могу двигаться. На хрена мне искать добычу, если я сам — готовая добыча?»

Но интуиция, всегда спасавшая меня в прошлой жизни, шептала, что это единственный шанс. Позволить телу начать умирать, пока разум ищет выход. Возможно, навык не ограничивается охотой. Возможно, он способен показывать, **где** и **что** искать, чтобы выжить. Я видел достаточно игр, чтобы знать: «поиск» часто включает в себя обнаружение ресурсов, воды, убежищ. Может, он укажет мне путь к спасению.

Я мысленно выделил первую строчку. Интерфейс мягко засветился и запросил подтверждение.

— Подтверждаю, — прошептал я одними губами, чувствуя, как сознание снова начинает плыть.

В тот же миг мою грудь пронзило огнём. Искры внутри, две чужие энергии, слились в один вихрь, ударили по нервным окончаниям, прошлись по сломанным костям электрическим разрядом. Мир перед глазами закачался, цвета поблекли, а затем всё исчезло, оставив лишь черноту.

Всплыло последнее системное сообщение, которое я успел прочитать до того, как провалиться в спасительное забытие:

> ****Навык «Поиск добычи» успешно интегрирован. Начинается адаптация организма...****

А затем наступила тишина.

Глава 4

На этот раз сознание вернулось не плавно, а рывком, вырванным из темноты острой, пронзительной болью. Кто-то пытался откусить кусок моей левой руки.

Я с трудом разлепил веки. Перед глазами, расплываясь и фокусируясь, маячила серая мордочка с блестящими бусинками глаз. Небольшой зверёк, размером с крупную крысу, с гастрономическим интересом изучал мою конечность, время от времени тыкаясь носом в открытую рану. Рюкзак рядом тоже был обследован — из прорехи торчала разодранная упаковка сухарей.

И в тот миг, когда тварь подобралась почти вплотную, моя способность, только что интегрированная в сознание, сработала как автоматический сканер. Над зверьком всплыла полупрозрачная строка с информацией:

> **Очень редкий мутирующий самец ласки. Обладает регенерирующим свойством крови.**

Я замер. Сердце пропустило удар, а затем забилось с удвоенной силой. Вот оно. Шанс, который подарила мне судьба, или, быть может, та самая способность «поиск добычи», что указала путь к спасению. Этот зверёк появился здесь не случайно. Сейчас главное — не спугнуть. Я должен притвориться мёртвым. Даже позволить ему откусить кусочек, если потребуется. Лишь бы он не ушёл.

Я лежал неподвижно, стараясь дышать ровно и редко, как делают умирающие. В правой руке, сжатой в кулак, я всё ещё чувствовал тяжесть ножа — того самого, которым вскрывал грудь волчары. Лезвие было липким от запёкшейся крови. Я верил, что эта мелочь не уйдёт от меня. Она слишком увлеклась лёгкой добычей.

Ласка, обнюхав рюкзак и не найдя в нём ничего интересного, снова переключила внимание на мою левую руку. Она вцепилась зубами в край раны, и новая волна боли ударила в мозг, ослепляя. Но я ждал. Ждал, пока она углубится, потеряет бдительность, уверует в свою безнаказанность.

Вот её голова склонилась над моим запястьем, хищные зубы впились глубже. Мгновение. Я вонзил нож.

Все оставшиеся силы, вся ярость, весь страх последних часов сконцентрировались в этом одном ударе. Лезвие вошло в тельце ласки легко, почти без сопротивления. Она дёрнулась, тонко и отчаянно пискнула, забилась на острие, но я, стиснув зубы от боли в сломанных рёбрах, прижал её к земле. А затем, не раздумывая ни секунды, поднёс её голову к своим губам и жадно впился в место прокола на шее.

Горячая, терпкая кровь хлынула в горло. Она была противной — металлической, солоноватой, с диким звериным привкусом, от которого тошнило. Но я пил. Я захлёбывался, давился, но пил, потому что знал: это мой единственный билет обратно в мир живых.

И она работала. Магия крови, та самая, о которой говорил интерфейс, начала своё действие почти мгновенно. Сначала я почувствовал жар, разливающийся по венам, словно внутрь залили расплавленный свинец. Затем — странное шевеление в местах переломов. Кости, с хрустом и противным скрежетом, вставали на свои места, срастаясь с неестественной скоростью. Раны на коже затягивались, оставляя лишь бледные розовые шрамы.

Но этот процесс был адским.

Я корчился на дне оврага, выгибаясь дугой, царапая ногтями землю. Крики, хриплые и звериные, рвались из моего горла сами собой. Я не контролировал их. Я был уверен, что на этот рёв сбегутся все хищники в радиусе трёх километров, что сейчас меня прикончат, чтобы я не мучился. В тот момент я был готов к этому. Смерть казалась освобождением от этой пытки.

Но прошло полчаса. Или час. Я потерял счёт времени, пока корчился в агонии. А затем боль схлынула так же внезапно, как и началась, оставив после себя лишь глухую, ноющую пустоту в мышцах и невероятное, звериное чувство голода.

И странно: никто не пришёл на мои крики. Ни одна тварь не заглянула в овраг. Казалось, сама аномалия отвернулась от меня в этот момент, давая шанс, которого я был недостоин.

Я сел, шатаюсь, и посмотрел на свои руки. Целые. Раны затянулись. Я осторожно пошевелил ногами — они слушались. Тогда я перевёл взгляд на тушку ласки, которую всё ещё сжимал в пальцах. Мясо, даже мёртвое, пахло так аппетитно, что у меня потекли слюни. Я был так голоден, что, сам того не заметив, вгрызся в маленькое тельце. Сочное, тёплое, оно исчезало с пугающей скоростью, и я не мог остановиться. Животный инстинкт заглушил все мысли о брезгливости.

Я очнулся только тогда, когда в руках не осталось ничего, кроме обглоданных мелких костей. Глаза шарили по земле в поисках ещё хоть чего-то съедобного, но вокруг была только грязь и листья.

С трудом заставив себя отбросить кости, я вспомнил о рюкзаке. Там же были припасы! Трясущимися руками я скинул лямки, расстегнул клапан и запустил руку в недра. Первое, на что наткнулись пальцы, — тяжелая жестяная банка. Тушёнка. Я вскрыл её дрожащими пальцами и, не чувствуя вкуса, отправил содержимое в рот. Банка за банкой — я остановился только на пятой, когда живот, наконец, подал сигнал, что он полон.

Голова прояснилась. Мысли, до этого сбивчивые и хаотичные, встали на свои места. Нужно убираться из этого оврага. И из аномалии. Шум, который я устроил, мог привлечь кого угодно, и следующая встреча может оказаться не такой удачной.

Я поднялся на ноги, проверяя устойчивость. Кости держали. Тело слушалось, хотя слабость ещё чувствовалась. Я выбрался из оврага и, ориентируясь на солнце, побрёл к выходу.

По пути, уже практически на выходе из леса, я наткнулся на ручей. Вода была ледяной и прозрачной. Взглянув на своё отражение, я невольно поморщился: грязный, оборванный, в запёкшейся крови и грязи. В таком виде меня не то что в село — на КПП не пропустят. Примут за зомби, которых периодически выносило из аномалии. Я кое-как отмылся, отскрёб кровь из-под ногтей. К счастью, в рюкзаке нашлась запасная одежда — видимо, один из бандитов оставил свои шмотки. Переодевшись в чистое, я почувствовал себя почти человеком.

Чистый, причёсанный, я подошёл к КПП. Те же четверо боевых магов, что пропускали отряд Косого, встретили меня настороженными взглядами. Один из них, широкоплечий, с чёрной повязкой на глазу, вышел вперёд и окинул меня оценивающим взглядом с головы до ног.

— Рассказывай, парень, — голос его звучал ровно, но сталь в нём чувствовалась. — Твоя группа вернулась пару часов назад. Утверждали, что тебя прикончил волк. А ты, гляжу, жив и почти здоров. Как?

Скрывать было нечего. Да и глупо. Я рассказал всё как было: как волк загнал меня в овраг, как я очнулся, как убил и выпил кровь мутировавшей ласки, как залечил раны и выбрался из леса. Маги слушали молча, переглядываясь между собой. Когда я закончил, одноглазый маг хмыкнул и усмехнулся.

— Повезло тебе, пацан. Сразу трижды.

— Это как? — насторожился я.

— Во-первых, тебя не прикончили те ублюдки, что взяли в группу. У них это отработанная схема: берут новичков как приманку. Пока зверь жрёт человека, они подбираются и наносят удар. Дешёво и сердито.

Я слотнул. Внутри всё похолодело от осознания, насколько близко я был к смерти.

— Во-вторых, — продолжил маг, — та ласка, которую ты сожрал, — редчайшая тварь. Её кровь — природный эликсир. Другой такой зверь может не встретиться тебе никогда. И в-третьих... — он хитро прищурил единственный глаз, — вы, видимо, углубились совсем недалеко.

Повезло, что на обратном пути тебе не встретился никто крупнее. В аномалии такие крики, как у тебя, обычно привлекают совсем не ласк.

Маги пропустили меня без лишних вопросов. Я переступил порог села и направился прямо к станции

Да. Я возвращался обратно. В детдом. Там, где началась эта история для Серёжи, и где она продолжится для меня. Мне нужны были документы, время и тишина, чтобы понять, как теперь жить в этом безумном мире.

Денег не было, но я и не планировал покупать билет. Я забрался в товарный состав, идущий в сторону города, забился между ящиками и, прикрыв глаза, позволил поезду унести меня прочь от смертельной зоны.

Первый блин вышел комом, но я вернусь. Теперь я носитель магии, и это надо развивать. Но сначала — школа. Документы. И только потом я снова приеду в этот поселок на границе аномалии. Следующая встреча будет совсем другой.

Глава 5

Моё отсутствие продлилось ровно трое суток. Три дня, которые перевернули мою жизнь, — и, как ни странно, в детдоме этого никто даже не заметил. Будто я и не уходил вовсе. Будто Сергей Богатырёв всегда был здесь, просто тихо сидел в углу и ждал, когда его позовут ужинать. Никаких тревожных сводок, никаких поисков. Директор, воспитатели, нянечки — все делали вид, что ничего не случилось. В этом заведении к беглецам давно привыкли, а к молчаливым и неудобным — тем более.

Единственное, что вызвало живой интерес у местной братвы, — это мой трофей. Огромный, выдавший виды рюкзак, который я приволок с собой обратно. Он выглядел слишком дорогим и слишком тяжёлым для обычного детдомовского пацана. Взгляды, полные любопытства и жадности, сверлили меня со всех сторон, но никто так и не решился подойти и заглянуть внутрь. Слишком хорошо они помнили, что у тихони Серёжи кулаки тяжёлые, а характер — ещё тяжелее. Прежний хозяин этого тела умел давать отпор, когда дело доходило до его личных вещей. И я, к счастью, унаследовал эту репутацию вместе с телом.

Я дождался, пока коридоры опустеют и все, наконец, потянутся в столовую на обед. Только тогда, убедившись, что за мной никто не следит, я подошёл к своей койке — узкой, с пожелтевшей простыней и продавленным матрасом. Это была моя крепость. Моя территория.

Я расстегнул рюкзак и принялся выкладывать содержимое на кровать, стараясь действовать быстро и бесшумно. До этого момента у меня просто не было возможности как следует изучить, что именно я таскал на своём горбу через всю аномалию.

Первыми на свет появились банки с тушёнкой. Десять штук. Нет, девять — пятую я уже прикончил в том овраге, заливая голод, который, казалось, вот-вот сожрёт меня изнутри. Оставшиеся я аккуратно сдвинул под подушку. В детдоме еда — это больше чем валюта, это оружие, это власть. Иметь при себе запас консервов значило иметь возможность договариваться, выменивать и чувствовать себя увереннее.

Следующими пошли вещи. Старая, но ещё вполне крепкая палатка — брезент был залапан в нескольких местах, но держал форму. Тяжёлые капканы с ржавыми пружинами, которые я без раздумий отправил под кровать. Три спальных мешка, походная горелка с почти полным баллоном, мешочек со специями, пара комплектов запасной одежды и несколько дешёвых фонариков. Всё это — добротный, рабочий арсенал сталкера-любителя. Я прикинул, что часть вещей можно выгодно продать или обменять на что-то более полезное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.